

РАЗДЕЛ I.
КУЛЬТУРА. ИСТОРИЯ. ЯЗЫК:
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ

Глава 1.
ВНЕШНЕЕ ВМЕШАТЕЛЬСТВО: ТИПОЛОГИЯ И ПРАВОВОЙ
АНАЛИЗ, ОПЫТ ДОРОМАНОВСКОЙ РОССИИ

Иванов Владимир Геннадьевич

д.п.н., доцент

ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов»

Аннотация: В главе анализируется проблема внешнего вмешательства в международных отношениях в современном и историческом аспектах. В главе представлена типология форм и видов внешнего вмешательства, рассмотрены основные модели интервенционизма. Также автором анализируется проблема внешнего вмешательства в суверенитет государств в историческом аспекте на примере истории России доромановского периода. Для этого в главе рассматриваются два исторических кейса: попытки влияния Византийской империи на суверенитет русского царства и политика верительных документов («ярлыков на княжение») Золотой Орды. Таким образом, делается вывод о том, что в различные исторические периоды и эпохи Россия сталкивалась с проблемой внешнего вмешательства в разных формах. Особенно сложным в этом отношении представляется период формирования российского государства в доромановский период. Исторический опыт преодоления внешнего вмешательства в сложных условиях (например, в обстоятельствах Смутного времени) заслуживает исследования и представляет значительный интерес и сегодня.

Ключевые слова: внешнее вмешательство, политические конфликты, история России доромановского периода, зависимость.

Информация о финансировании: Исследование подготовлено за счет средств Минобрнауки РФ (проект FSSF-2022-0015 «Основы российской государственности: политологический анализ истории становления российского государства в доромановский период»).

EXTERNAL INTERVENTION: TYPOLOGY AND LEGAL ANALYSIS, THE EXPERIENCE OF PRE-ROMANOV RUSSIA

Ivanov Vladimir Gennadievich

Abstract: The chapter analyzes the problem of international interference in international relations in modern and historical aspects. The chapter presents a typology of forms and types of external intervention and analyzes the main models of interventionism. The author also analyzes the problem of external interference in the sovereignty of states in the historical aspect on the example of the history of Russia of the pre-Romanov period. The chapter analyzes two historical cases: the policy of the Byzantine Empire to influence on the sovereignty of the Russian tsardom and the policy of credentials (“labels on the reign”) of The Golden Horde. Thus, it is concluded that in various historical periods and epochs, Russia has faced the problem of external interference in various forms. The period of the formation of the Russian state in the pre-Romanov period is particularly difficult in this regard. The historical experience of overcoming external interference in difficult conditions (for example, in the circumstances of the Time of Troubles) deserves research and is of considerable interest today.

Key words: external interference, political conflicts, the history of Russia before the Romanov period, dependence.

Категория внешнего вмешательства в международных отношениях является крайне сложной, политизированной, возможно эта проблема является одной из самых сложных и противоречивых из всех политических и моральных дилемм, стоящих перед человечеством.

К анализу этой проблемы нельзя подходить без четкой методологии, понятийного аппарата, правовой классификации. Проблемы внешнего вмешательства являются чрезвычайно запутанными и переплетенными с правовой и нравственной точек зрения – что предполагает наличие как огромных лакун в международном праве и национальных законодательствах, так и нормативную двусмысленность политик вмешательства (и их информационно-идеологического сопровождения). Как правило, международное вмешательство оправдывается целями и ценностями высокого порядка, в жертву которым приносятся принципы международного права и суверенитета национальных государств. Действительно, международное вмешательство является необходимым во многих случаях (режим Пол Пота в Камбодже, геноцид в Руанде) и оно потенциально может сделать мир лучше и помочь избежать массовых жертв. Однако в эту личину могут маскироваться и национальные, империалистические интересы экспансивных держав, и альянсов, опирающихся на позиции в международных организациях и глобальных СМИ, где «цель оправдывает средства». Примечательно замечание немецкого поэта Г. Гейне о Пруссии, где перед ударом розги всегда обмакнул в святую воду.

Процессы глобализации, интернационализации, региональной интеграции и постепенного становления глобальной взаимозависимости значительно усложнили понимание того, что является внешним вмешательством. Это объясняется тем, что государства сами отказываются от части своего суверенитета, например, при заключении международных договоров.

Поскольку внешнее вмешательство предполагает отрицание, игнорирование, или ограничение суверенитета государства неизбежно возникает очень много неоднозначных вопросов и дилемм: например, является ли вмешательством непризнание государства или политического режима, или итогов выборов? Являются ли вмешательством во внутренние дела торговые войны? Экономические санкции и блокада? Шпионаж и разведка? и пр.

Представляется оправданным сузить проблематику и рассматривать именно агрессивное внешнее вмешательство в контексте интервенционизма: активной внешней политики, проводимой национальным государством с целью влияния на другое государство и вмешательства в его внутренние дела и нарушающей его суверенитет.

Несмотря на то, что исторически основным сценарием внешнего вмешательства являлась военная интервенция или угрозы, принуждение силой, в последние десятилетия, на фоне масштабного реформирования системы международных отношений, в мировой политике возрастает роль экономического влияния и «мягкой силы», включая инструменты информационного влияния и институты «доминирующей рациональности». Таким образом, нормы международного права оказываются часто иррелевантными современным вызовам.

Опыт показывает, что в современной мировой политике тот, кто разрабатывает и первым применяет новые технологии мягкого влияния получает значительное преимущество, более того, на первом этапе его действия не встречают отпора и эффективного сопротивления просто потому, что они еще не изучены другими и поэтому невидимы для них [1, с. 5].

Можно выделить следующие основные формы вмешательства, некоторые из которых, не являются агрессивными или незаконными, тем не менее они связаны с властью (возможно косвенно) и формированием гегемоний и систем зависимости.

1) Вмешательство транснациональных структур и международных организаций в суверенную политику государства.

Обычно в этих случаях речь не идет о вмешательстве и соблюдаются определенные международные договоры и нормы международного права.

2) Вмешательство во внутренний конфликт и миротворческое вмешательство.

С позиции международного права, устоявшиеся нормы которого восходят к Женевской конвенции, под внешним вмешательством подразумевается в первую очередь военная интервенция – то есть, по сути, вооруженный конфликт.

В качестве основного основания для внешнего вмешательства является внутренний конфликт, протекающий (или инициированный) в стране-объекте.

3) Внешние экономические интервенции, направленные на экономическую и политическую дестабилизацию.

Не вызывает сомнений тот факт, что в 1990-е гг. неолиберализм стал инструментом поддержания мирового порядка и центрo-периферийной иерархии (пошатнувшихся в 2010-е) под руководством держав Большой семерки, МВФ, Всемирного банка и др. Катализатором навязывания МВФ неолиберальных идей развивающимся странам стали долговые кризисы. По мере углубления кризиса во многих развивающихся странах усиливалась «управленческая дилемма» или «финансовый кризис государства». Таким образом, государства были вынуждены отказываться от своей функции обеспечения благосостояния в пользу наднациональных учреждений, по сути, сокращать свое присутствие в экономике, выполняя роль лишь «ночного сторожа».

Как показывает современный опыт, не только санкции, но и разнообразные институционализированные механизмы мировой экономики (как, например, кредитные рейтинги) при необходимости становятся экономическим оружием, нацеленным на дестабилизацию национальных экономик стран – объектов вмешательства.

4) Подрыв функционирования политических институтов и процедур – в первую очередь – вмешательство в выборы.

В настоящий период в мировой политике наблюдается тенденция скоординированной трансформации политической легитимности – в том числе легитимизация и наделение политическим капиталом транснациональных и неправительственных акторов, претендующих на то, что их инициативы, рекомендации и оценки кладутся в основу политических и управленческих решений на государственном уровне, и параллельная выборочная делегитимизация политических режимов, в том числе и демократически избранных [2, с. 25].

5) Действия, направленные на дискредитацию страны, ее руководства, ограничение ее правосубъектности и признания в международных организациях и отношениях.

В качестве примеров можно выделить различные формы и технологии внешнего давления и дискредитации, «шейминг», «мониторинг», «блеклистинг» и пр. Критика и «пристыжение» элит, пристальное, демонстративное наблюдение за состоянием в той или иной сфере в стране (например, за уровнем верховенства закона или свободы слова) может влиять на поведение государства, корректируя приоритеты его руководства, желающего выйти из позорного «черного списка». «Власть мониторинга» можно использовать и для негативизации внешнеполитического имиджа стран-конкурентов. Так, вмешательство в дела Сирии оправдывалось данными, которые были предоставлены правозащитной организацией «Сирийский центр мониторинга за соблюдением прав человека» (OSDH), весь штат которой состоял из трех человек, а сведения о войне в Сирии были получены из социальных сетей. Дефицит данных обычно компенсируется предположениями привлеченных экспертов (т.н. «guesstimation») [2, с. 221].

6) Социальная подрывная работа.

Например, работа с образовательными учреждениями, студентами, финансирование образовательных программ с целью дальнейшего контроля

этой сферы; использование стимулирование протестной повестки и вовлечение в протестные акции молодежи; разжигание межэтнических противоречий, конфликтов; формирование в общественном сознании определённых стереотипов; создание социальной и политической напряжённости и т.п.

7) Публичная дипломатия.

Публичная дипломатия (осуществляемая как государственными институтами, так и НПО) представляет собой комплекс мер (как правило, организованных или финансируемых государством), направленных на оказание влияния на политику иностранного государства путем воздействия на установки и взгляды иностранных граждан, которое осуществляется неправительственными и образовательными структурами.

8) Информационное влияние на общественное мнение и лиц, принимающих решения.

Это более тонкие механизмы влияния, проявляющиеся как в транснациональном и международном лоббизме, так и с информационными кампаниями и деятельностью глобальных СМИ, в первую очередь онлайн-медиа.

9) Внутриполитическая дискредитация, свержение власти и политического режима.

10) Поддержка сепаратизма, ирредентизма, сецессионизма, террористических и экстремистских групп на территории страны-объекта.

11) Военная агрессия и военные угрозы.

С позиции международного права, устоявшиеся нормы которого восходят к Женевской конвенции, под внешним вмешательством подразумевается в первую очередь военная интервенция – то есть, по сути, вооруженный конфликт.

Согласно международному праву можно типологизировать вооруженные конфликты по уровню интернационализации:

- международный вооруженный конфликт;
- интернационализированный вооруженный конфликт;
- внутренние вооруженные конфликты;
- транснациональные вооруженные конфликты;
- гибридные конфликты.

Согласно Женевской конвенции, выделяются следующие виды вооруженных конфликтов:

- межгосударственные конфликты;
- война;
- вооруженный конфликт;
- оккупация;
- конфликт самоопределения.

В качестве главного основания для внешнего вмешательства является внутренний конфликт, протекающий (или инициированный) в стране-объекте.

Рассмотрим типологию внутренних вооруженных конфликтов (по международному праву):

- Традиционные внутренние конфликты (между государством и группой);
- Межгрупповой внутренний конфликт;
- Гражданская война с участием третьей стороны;
- Spill over;
- Мультинациональные внутренние вооруженные конфликты;
- Внутренний конфликт с вводом миротворцев;
- Межграницные внутривполитические конфликты;
- Транснациональные (между группой стран и негосударственным субъектом);
- Война с организованной преступностью.

Мы полагаем, что можно выделить следующие типы международного вмешательства во внутренний конфликт:

- Proxy войны;
- Внешняя интервенция на стороне вооруженной группы против государства;
- Внешнее вмешательство с согласия или приглашения страны;
- Смешанные конфликты;
- Вмешательство международных сил под эгидой ООН;
- Экстратерриториальный конфликт с негосударственной вооруженной группой;
- Операция по защите/эвакуации своих граждан/миротворцев [3, с. 13].

В Вестфальской модели межгосударственных отношений иностранное вмешательство, как правило, считается юридически и морально неприемлемым. Однако после окончания «Холодной войны», получили широкое распространение так называемые «гуманитарные императивы», постулирующие двойственность принципы государственного суверенитета и невмешательства. В международных отношениях растет консенсус в отношении того, что, если вмешательства (в том числе военные) коллективно санкционируются либо региональной организацией, либо «международным сообществом», либо великими державами, они приобретают легитимность. Т.н. космополитическая моральная теория международных отношений признает, что другие страны могут и даже обязаны вмешиваться, чтобы остановить массовые нарушения прав человека. Таким образом, некогда священный принцип невмешательства и суверенитета неуклонно подрывается новыми масштабами и интенсивностью внутригосударственных конфликтов. Однако такие вмешательства можно рассматривать с точки зрения гегемонизма в международной системе.

В экономической сфере экономические вмешательства являются результатом воздействия процессов глобализации на суверенитет государств. В целом, типичное развивающееся государство сегодня является не столько независимым субъектом, сколько объектом, ориентирующимся на навязанные извне социально-политические и экономические траектории и примеры.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует понятие «вмешательства извне во внутренние дела России».

Вместе с тем, существует ряд нормативных актов, которые регулируют очень близкие к данному понятию правовые случаи:

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая утверждена Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации, которая утверждена Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. № 640.
3. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, которая утверждена Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646.

Кроме того, статья 79.1 Конституции РФ упоминает что Российская Федерация «принимает меры по недопущению вмешательства во внутренние дела государства» [4].

В 2018 году члены комиссии Совета Федерации РФ – авторы аналитического доклада по данной тематике сформулировали, что «вмешательство во внутренние дела – это не основанная на общепризнанных принципах международного права и международных договорах РФ деятельность со стороны иностранных государств, юридических и физических лиц, их объединений, имеющая целью изменение основ конституционного строя, территориальной целостности РФ, ее внутренней и внешней политики, состава и структуры органов государственной и муниципальной власти» [5].

То есть, к вмешательству во внутренние дела в данном контексте члены комиссии не относят деятельность, осуществляемую на основе договоров, заключенных с иностранными партнерами в установленном российским законодательством порядке уполномоченными органами государственной и муниципальной власти в пределах их компетенции.

На международном уровне понятие о «вмешательстве во внутренние дела государства» может быть рассмотрено через анализ общепризнанных норм международного права, закрепленных в:

- Уставе ООН (ст. 2);
- резолюциях Генеральной ассамблеи ООН;
- Декларации о недопустимости вмешательства во внутренние дела государств, об ограждении их независимости и суверенитета, 1965 г.;
- Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, 1970 г.: «ни одно государство или группа государств не имеет права вмешиваться прямо или косвенно по какой бы то ни было причине во внутренние и внешние дела любого другого государства. Вследствие этого, вооруженное вмешательство и все другие формы вмешательства или всякие угрозы, направленные против правосубъектности государства или против его политических, экономических и культурных основ, являются нарушением международного права». «Каждое государство обладает неотъемлемым правом выбирать себе политическую, экономическую, социальную и культурную систему без вмешательства в какой - либо форме со стороны какого бы то ни было другого государства»);
- Декларации об укреплении международной безопасности, 1970 г.;
- Заключительном акте ОБСЕ, 1975 г. (при этом недостатком ОБСЕ является то, что при политической обязательности всех решений ОБСЕ, они не имеют юридической силы);
- Декларации о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств, 1981 г.: «принцип отказа от интервенции и невмешательства во внутренние и внешние дела государств включает следующие права и обязанности: суверенное и неотъемлемое право государства свободно определять свою собственную политическую, экономическую, культурную и социальную систему, развивать свои международные отношения и осуществлять неотъемлемый суверенитет над своими природными ресурсами в соответствии с волей его народа без внешней интервенции, вмешательства, подрывной деятельности, принуждения или угрозы в какой бы то ни было форме» [6].

Таким образом, внешнее вмешательство во внутренние дела государств имеет различные формы.

Представляет значительный интерес анализ внешнего вмешательства в суверенитет государств в историческом аспекте – в первую очередь на примере истории России доромановского периода. Конечно, на заре своего становления российское государство являлось преимущественно объектом внешнего вмешательства. При этом, однако, оно само старалось вмешиваться, например, в междоусобные споры ордынских ханов для того, чтобы ослабить исходящую от них внешнюю угрозу. В целом международная политика средневековья характеризовалась перманентной экспансией: как военной, так и торговой, важную роль играли дипломатия, титулатура, религиозное влияние. Формами регулирования международных отношений были Вселенские и поместные церковные соборы и светские конгрессы, декреты и буллы пап, решения соборов и конгрессов, присвоение титулов, вассальной зависимости и пр. [7, с. 9] В этих условиях на первый план выходили монархические, династийные, личные инструменты влияния, отношения вассалитета, данничества, титулатуры. Войны того времени как правило вовлекали большое количество участвующих сторон, а акцент политики внешнего вмешательства делался не только на глав государств, но и на знать, что позволяло дестабилизировать внутривластную обстановку.

Для анализа выбранного предмета исследования рассмотрим два исторических кейса:

- влияние Византийской империи на суверенитет русского царства;
- политика верительных документов («ярлыков на княжение») Золотой Орды.

Как известно, Византийская империя претендовала на политическую гегемонию над православными странами, входящими в «ойкумену», в том числе над средневековой Русью. Как справедливо отмечает Д. Оболенский, «для политического мышления византийцев было аксиомой, что их император

был космократором, чья власть на распространялась на те земли Восточной Европы, которые с религиозной и культурной точек зрения находились в пределах орбиты Империи, и это не могли быть отношениями между равными. К десятому веку, как мы видим из Книги церемоний, они выработали концепцию иерархии подчиненных государств, вращающихся в послушной гармонии вокруг трона вселенского самодержца в Константинополе» [8]. Эти византийские претензии на российский суверенитет и лояльность империи обычно осуществлялись посредством духовенства, в первую очередь со стороны Константинопольских патриархов. В то же время, русские князья в этот период проводя в целом доброжелательную политику в отношении Константинополя, не признавали его главенства и тем более прямого вмешательства во внутренние дела их княжеств, за исключением церковных вопросов. Очевидно и то, что Византии, находящейся в стадии упадка, явно не хватало военных и политических средств, чтобы навязать свое господство русским князьям, как это смогли сделать ханы Золотой Орды между 1240 и 1480 годами, обложив их данью и навязав инвеституры. Точно так же митрополиты Киевский и Московский, даже являясь гражданами Византии и, следовательно, в какой-то степени политическими агентами императора, никогда не могли надеяться на обеспечение его прямого суверенитета над их русской паствой [8]. Тем не менее, с момента обращения страны в христианство до падения Византии в 1453 году российские правители, очевидно, признавали, что византийский император является главой христианского содружества.

Говоря о многолетнем иге Золотой Орды, основной интерес вызывает ее политика вмешательства в политическую жизнь русских княжеств в период между походами. Как известно, монголо-татары не посягали на духовный образ жизни русских людей и прежде всего на православную веру, хотя регулярно разграбляли и разрушали церкви. В то же время ордынцы были заинтересованы в сохранении феодальной раздробленности и активно

сравливали русских князей между собой. Важную роль здесь играла особая система верительных документов, к которым относились ханские ярлыки и пайдзы. Они выдавались в связи с назначениями на должности или признанием вассальной зависимости от монгольского государства. По требованию хана, князья должны были являться в Сарай и признать власть монголов. В свою очередь, хан признавал старшинство угодного князя относительно прочих Рюриковичей, в подтверждение чего выдавал ему ярлык на великое княжение и делегировал функции сбора дани, впоследствии этот ярлык подтверждался следующим взошедшим на престол ханом. Таким образом, получивший ярлык князь признавался монголами «старшим» на Руси – получивший его князь становился представителем Руси при дворе ханов. Результатом такой политики стала поощряемая ордынцами борьба за ярлык на княжение – по сути, борьба за политическое первенство и главенство над прочими Рюриковичами [9]. При этом, в более поздний период русское государство уже само стремилось влиять на Орду дипломатически, играя на внутренних противоречиях. Неслучайно окончание ордынского вмешательства ассоциируется с разрывом ханской грамоты великим князем Иваном III и его отказом ехать в столицу Орды.

Подводя итоги, представляется оправданным отметить, что специфика и структура внешнего вмешательства исторически постоянно менялась, как и понимание государственного суверенитета. При этом Россия регулярно сталкивалась в разные исторические периоды и эпохи с проблемой внешнего вмешательства в разных формах. Особенно сложным в этом отношении представляется период формирования российского государства в доромановский период. Исторический опыт преодоления внешнего вмешательства в сложных условиях (например, в обстоятельствах Смутного времени), несомненно, заслуживает исследования и представляет значительный интерес и сегодня.

Список литературы

1. Иванов В.Г. «Charts power» — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия : монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 188 с.
2. Иванов В.Г. «Рейтинговая сила» («Charts Power») как инструмент политического и экономического влияния: концептуальный анализ, стратегии. Использования и модели противодействия. Диссертация на соискание ученой степени д.пол.н. – М.: РУДН, 2016.
3. Введение в конфликтологию. Теоретические и прикладные основы : учебное пособие / В.Г. Иванов. – Москва: РУДН, 2019. – 95 с. : ил.
4. Конституция РФ с изменениями 2022 года // Государственная Дума РФ. 06.10.2022. URL: <http://duma.gov.ru/news/55446/>
5. Специальный доклад по итогам президентских выборов в российской федерации (2018 г.) с точки зрения покушений на российский электоральный суверенитет // Временная комиссия Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/2uQuCAAwoWu0B8tiDeDExn5x9CtBkTDV.pdf>
6. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств. Принята резолюцией 36/103 Генеральной Ассамблеи от 9 декабря 1981 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml
7. Нуждин О.И. История международных отношений в Средние века: Курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал, ун-та, 2001. – 117 с.
8. Obolensky D. The Relations between Byzantium and Russia (11th-15th Century) // XIIIth International Congress of Historical Sciences. – Moscow, 1970. – P. 1-13.
9. Горский А.А. Русские земли в XIII—XIV веках: пути политического развития. — СПб.: Наука, 2016. — 192 с.